

Алена Вейс

МОРЕНА

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В28

Велье, А.

В28 Морена / А. Велье. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 244 с.

ISBN 978-5-517-12635-1

Сказка, проросшая в самое свое сердце корнями старых сосен и оплетенная паутиной, мерцающей в свете лунного серпа. Сказка, устеленная сладким запахом земляники и малинника. Страшная сказка о любви и предательстве, о вере и надежде.

Радуются празднику богини Лели все - от мала до велика. Дарят подарки богине, да хороводы водят. Вот и Агата с любимым праздник встретила.

Да только предал ее любимый. Тот обманул, кому больше, чем себе верила. Хуже врага злого оказался.

И пробудилась в ту ночь недобрую в девушке сила страшная, неведомая.

Ведьмой окликали ее те, кто с детства знал, да с младенчества привечал. Из деревни выгнать хотели. Но не успели... Сама за ней ведьма лесная, что в избе на костях живет, явилась...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12635-1

© Велье А., 2025
© Миролюбова А., оформление, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, оформление, 2025

ГЛАВА 1

— О девайся скорее! Побежали, а то весь праздник без нас пройдет! — крикнула веселая Милица, зовя Агату на гуляния.

— Ишь, свиристелки! — одобрительно покачала головой старая Яговна, глядя, как внучка подвязывает косу и спешит за подругой, накинув на плечи расшитый цветами да узорами пестрый платок.

Потому как несмотря на весеннее тепло, Карачун, повелитель холода и мрака, правящий миром, не спешил уходить и посылал холодные ветра, стараясь хоть как-то продлить свое присутствие в явном мире.

А за порогом меж тем во всю свои права заявляла весна: появились на березке молоденькой, что у дома года три назад выросла, зеленые листья, которые на солнце и вовсе золотыми казались. Да при ветре будто плясали танец какой, наглядевшись на мошкарку, что свадьбы свои над кустами крутить вздумала.

Яговна вышла на узкое крыльцо и села на старые, потемневшие от времени ступени. Хорошо вот так на солнце сидеть, да ветру свежему лицо подставлять! Радостно вдыхать запах сырой земли, пробудившейся ото сна зимнего. Любо сердцу слушать песни девок молодых, да смех парней крепких.

Сделала Яговна вдох. Сладкий воздух! Кажется, самой жизнью пропитанный. Хотя отчего же кажется? Так оно и есть. Уж ей ли того не знать!

Пестреют тут и там желтые солнышки мать-и-мачехи, да синие цветки пролески, что цветут везде, говоря, что ушла зима и стужа, ушла смерть природы, убрался Карачун в уголья свои навьи. И что нет ему больше хода в мир людской. Сокрыт он за рекой Смородиной, да отделен Калиновым мостом. Нет его тут больше. Наступило время жизни и любви. Ласково солнце светит, зеленеет трава молодая, щебечут свое приветствие Леле птицы. А тут к ногам и кошка приبلудная прибежала. Трется боком горячим, да мурчит так, что и в доме ее слышно. А вот и комар на руку старческую, сморщенную сел и укусил. Под ногами муравьи проснувшиеся снуют, ищут, чем муравейник у пня трухлявого чинить да в порядок после зимы приводить....

Жизнь кругом кипит.

Вон дрозд вернувшийся, в небе летает, круги нарежая за стрекозой, которая от зимы проснулась, да к солнцу выбралась.

Жизнь...

За избой уж прополз. Да толстый какой, будто зиму студеную не в норе зимовал, а бока себе все отрачивал!

— Может, и гадюки теперь сюда не приползут. А то прошлый год повадились. Ужей-то они не любят, — задумчиво проговорила Яговна, глядя на далекий лес, который темнел верхушками вековых елей, да золотился молодой листвой.

Она потрепала кошку по голове. И посмотрела на длинноногую цаплю, которая показалась над лесом и полетела в сторону болот. Время теперь самое гнезда вить, да яйца нести. И будто подтверждая мысли Яговны заквакали лягушки на пруду, что у леса был.

— Гляди-ка, — покачала она головой. — Все жизнь хвалят. Все ей сегодня радуются. И те, кому много отмерено, и те кому день всего жить дано.

А сколько ей, Яговне, отмерено по земле ходить, да траву под ногами мять? Много ли ей осталось? Сто лет она жила, на мир белый смотрела, да сколько ещё дней ей отмерено?

Много, и сама то ведаёт, да вот только ...

Хотя чего думать о том, чего ещё нет? Да и будет когда — неведомо. Уж сколько и раньше она ночей не спала, на Агату глядя, да думая... Вот и теперь нечего.

— Пойду, — она похлопала кошку по теплому боку. — Опару поставлю, да квас. А ты бы лучше мышей гоняла, а то как кормить-то тебя перестану!

И по-старчески кряхтя, Яговна поднялась и пошла, шаркая, в дом.

ГЛАВА 2

— Пошли быстрее! — поторапливала Агату Милица. — Услад ведь на празднике будет. Он там с парнями для костра дрова готовит, да все глазами по сторонам водит. Никак тебя ищет.

— Зоряну он ищет, — и сама не веря в то, что говорит, ответила Агата.

Но и поверить в то, что она люба молодому красавцу, и что ее он взглядом выискивает среди стаяк девичьих, тоже было страшно.

А Милица меж тем, не замечая смятение подруги, продолжала радостно смотреть по сторонам, да тянуть ее вслед за собой туда, где намечались веселые гуляния:

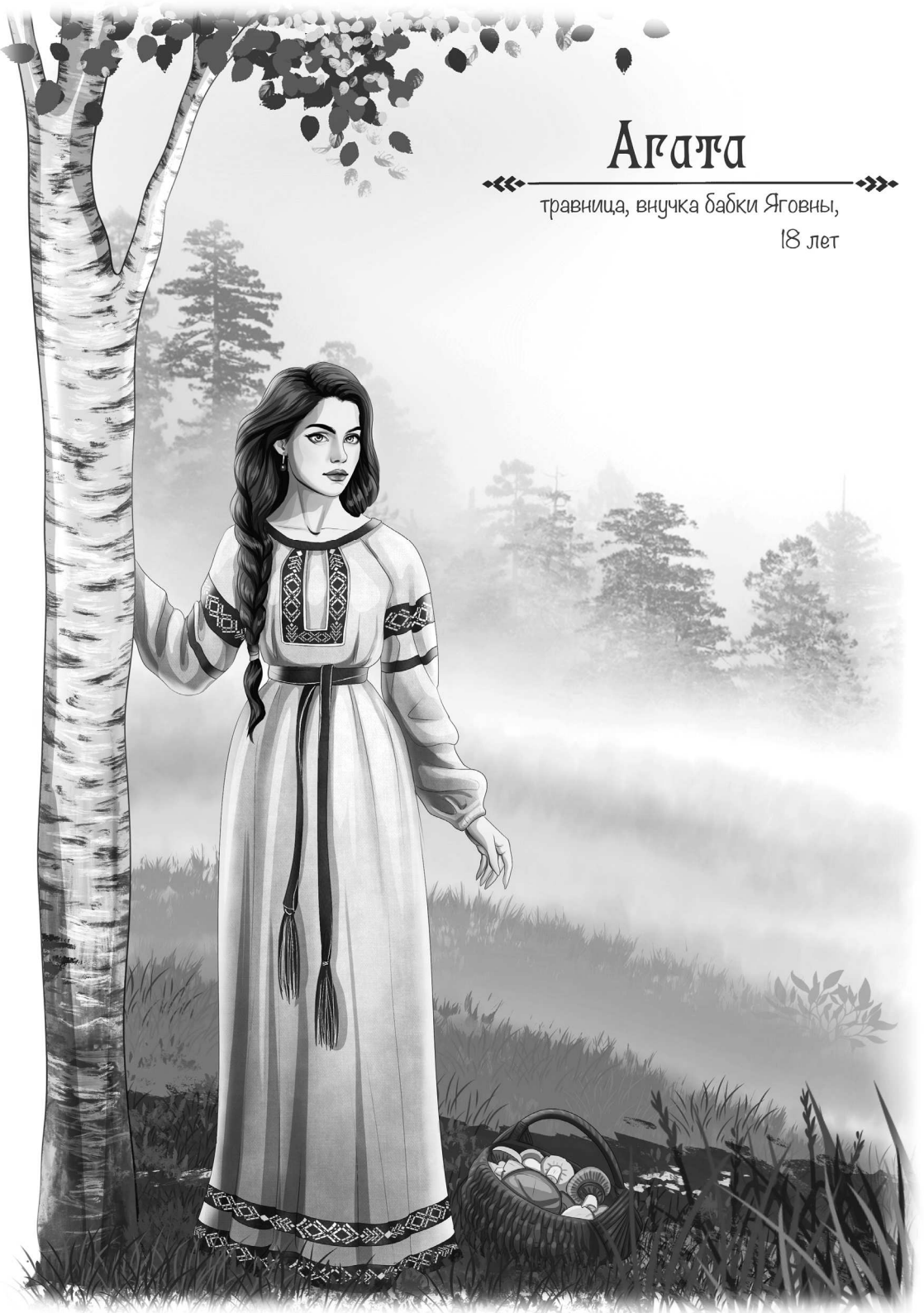
— Уж и проводим мы сегодня зиму окончательно, Карачуна и Морену. Ушло их время. Да уж теперь Лелю встретим! Смотри, — она достала из кармана нить красных, как гроздь рябины, бус. — Вот подарю их Леле, да попрошу, чтобы сваты этим летом к нам в дом пожаловали. Знаю, негоже такое у нее просить, да у кого же ещё любви-то спрашивать, как не у богини весны? И чтобы жених и молод, и собой хорош...

— И молодой, и собой хорош? — Агата прищурилась, прекрасно зная, кто уже давно живет в сердце Милицы. — Такой как Яромир?

Подруга на ее слова лишь залилась румянцем и спрятала бусы в карман, а после, смеясь, спросила:

Агата

травница, внучка бабки Яговны,
18 лет

— А ты чего Леле подаришь? Или тебе уж и просить не о чем?

— Это ещё почему? — Агата поправила спадающий с плеч платок.

— Да уж видела я, как вчера ты с Усладом у кустов сирени стояла, и как он тебе воду помогал до дома нести. Да что на Зоряну, которая рядом стоит и не смотрит, а все по сторонам головой крутит.

— Брось! По сторонам он кого из дружек своих высматривал, а не меня ищет. А помог он мне просто так. Увидел, что ведро тяжелое, — ответила Агата, в душе надеясь, что на самом деле красивый парень с васильковыми глазами и волосами, как пшеничное поле, помогал ей не просто так.

Давно она заметила жаркие взгляды удалого парня да то, что все он ей старался угодить, да помочь. Да и яблоко спелое, красное, что всю зиму в подполе пролежало, да сладости своей не растеряло, ей он отдал. Ее одну угостил. Хотя многие смотрели, многие ждали на той вечерке, что отдаст Услад его кому другому — Зоряне. Чего уж тут лукавить! Все этих двоих сызмальства сватали. Все за глаза женихом и невестой называли. Да вот только Агате досталось то яблоко.

Вот и сегодня, в Лельник, когда все старое в мир Нави вместе с Мореной уходит, да Леля — красавица в свои права вступает, еще утром ранним Услад, будто ненароком мимо Агатиного дома проскакал, да девушке, вышедшей в это время кур покормить, цветок ветреницы подарил.

И стоял тот сейчас у нее на окне, солнечным лучам весенним радуясь, да сердце Агатино согревая.

Светлый сегодня день, радостный. И приятно сегодня богиню молодую да красивую славить, радоваться весне пришедшей, да о любви просить.

А у нее, Агаты, есть уже любовь. Что поселилась слабой искоркой, когда впервые Услад защитил ее от нападок дружек сво-